

АНДРЕЙ ПАТКУЛЬ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Т. М. РЯБУШКИНОЙ
«ПОЗНАНИЕ И РЕФЛЕКСИЯ»

М.: «Канон+», 2014. — 352 с. ISBN 978-88373-389-4

В рецензии обсуждаются наиболее значимые, по мнению рецензента, результаты исследования относительно возможности нерефлексивной теории субъективности, представленные в книге. Здесь отмечается, что книга состоит из обширной историко-философской экспозиции проблемы, демонстрирующей исчерпанность программы рефлексивной философии субъекта, и наброска собственной концепции автора. Автор показывает, что современная критика субъект-объектной модели самопознания содержит неявную предпосылку рефлексии и, тем самым, современная концепция самопознания сталкивается со значительными трудностями. Рецензент в этой связи обсуждает интерпретацию философской мысли Декарта, Юма, Гуссерля, Хайдеггера, Сартра и др. в книге. Кроме того, в рецензии анализируются ключевые для концепции автора книги понятия досознательного и наброска.

Ключевые слова: нерефлексивная теория субъективности, тождество сознания, рефлексия, временность, субстанциальность, интенциональность, набросок, досознательное.

RYABUSHKINA T. M. «POZNANIE I REFLEKSIYA»

Ryabushkina T. M. *Poznanie i refleksiya* [Knowledge and Reflection], Moscow, Kanon+, 2014. (in Russian). ISBN 978-88373-389-4.

The reviewer treats the main theses of the conception of unreflective subjectivity presented in the book. In his opinion, it divides in two main parts. On the one hand, this is the historic-philosophical exposition of the problem of reflectivity and the critique of the reflective philosophy. On the other hand, this is the presentation of the own author's position. The author shows that contemporary criticism of the subject-object model of self-knowledge contains the precondition of reflection and therefore classic and contemporary conceptions of self-knowledge meet similar difficulties. The reviewer discusses the author's interpretation of the philosophies Descartes', Hume's, Husserl's, Heidegger's and Sartre's given in the book. Moreover, he analyses the basic notion of the own author's conception, namely, the preconscious as well as the projection.

Key words: unreflective philosophy of subjectivity, identity of consciousness, reflection, temporality, substantiality, intentionality, projection, preconscious.

© Андрей Паткуль

Автор книги «Познание и рефлексия» ставит себе капитальную задачу — обосновать необходимость *отказа от признания рефлексии методом самопознания и создание нерефлексивной теории субъективности*. Дело в том, что, с ее точки зрения, едва ли не вся предшествующая эпистемология исходила из предпосылки, согласно которой *рефлексия вообще возможна*. И даже там, где традиционная эпистемология осуществляла критику рефлексивности, она на деле ее предполагала. К выполнению такой задачи Рябушкина подходит сначала через обширную историко-философскую экспозицию проблемы рефлексии в ее связи с понятием субъективности. Цель такой экспозиции состоит в том, чтобы «обосновать необходимость создания теории субъективности, не опирающейся на предпосылку об изначальной идентичности познающего субъекта и объекта самопознания...».¹ Развертыванию этой экспозиции посвящены три первых главы книги, и только последняя — четвертая — содержит в себе переход к самой сути дела, к построению «фундамента нерефлексивной теории субъективности».² Таким образом, Татьяна Михайловна большую часть книги анализирует концепции классических и современных философов, демонстрируя, где более, а где менее убедительно, что все они содержат в себе круг, либо противоречие, основанные на предположении возможности рефлексии. Сама Рябушкина убеждена, что «рефлексия, изначальное подразумевающая идентичность рефлектирующего и рефлектируемого и тем самым отрицающая в самопознании различие субъекта и объекта, не может быть принята в качестве способа познания самого себя, поскольку познание предполагает субъектно-объектное отношение».³

В рецензии нет никакой возможности даже бегло воспроизвести предложенную автором книги историко-философскую реконструкцию. Отметим, что она в разных своих частях имеет разный уровень проработки. Нередко мы сталкиваемся здесь с суждениями, которые можно найти в любом учебнике по истории философии. Пожалуй, в наибольшей степени такой фигурой из учебника здесь оказался Декарт — персонаж, который, как полагает Рябушкина, обусловил само появление рефлексивной парадигмы в европейской философии. На наш взгляд, присутствие рефлексивности в картезиевом *cogito* не столь уж самоочевидная вещь — конечно, если не учитывать последующие модернизации. Очень бегло — и самое главное, непонятно, для чего именно в общем контексте историко-философской экспозиции — Татьяной Михайловной рассматривается философия Бергсона и неокантианцев. Гораздо более пространно она изображает лингвистическую философию, отталкиваясь по большей части от концепций Строссона; но и эта пространность приводит к тому же, к чему в случае с Бергсоном и неокантианцами привела скупость изложения, — к потере (по крайней мере, из читательского внимания)

¹ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 16.

² Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 16.

³ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 17.

основного сюжета деструкции теории субъективности, основанной на понятии рефлексии. Впрочем, к чести автора книги надо отметить, что она проработала значительный объем материала, в том числе относящегося к современной теории сознания, причем, что приятно, не только англоязычного происхождения: в качестве значимых авторов на страницах «Познания и рефлексии» фигурируют и такие важные персонажи, как Д. Генрих и М. Франк.

Наиболее внятно, как показалось, в экспозиции изложена и подвергнута критике концепция Д. Юма. Особенно интересно то, как Рябушкина ставит проблематичность названной концепции в связь с понятием времени. Она приходит в этом контексте к такому выводу: «*Временность и субстанциональность — рефлексивные характеристики сознания, приписывание которых порождает неразрешимую проблему всякой рефлексивной теории — проблему идентичности во времени*».⁴ Предпосылка временности как формы жизни сознания является одним из ключевых обстоятельств, обусловивших скатывание теории сознания и субъективности в концептуальное поле, заданное понятием рефлексии. Эта предпосылка, правда, привела Юма к скепсису относительно времени, вернее, относительно самой пары субстанциональность — временность.

Можно догадаться, что связь временности и субъективности, осуществленная уже Юмом (в скептическом ключе), сыграла злую шутку и с феноменологической теорией субъективности, для которой время оказывается формой универсального синтеза. В силу этого: «Феноменология неизбежно сталкивается с проблемой круга рефлексивного описания».⁵ Отличие Гуссерля от Юма состоит в том, что тождество полюса Я для него не является фикцией: рефлексия не создает Я, а открывает его, хотя оно — и в этом главная беда рефлексии — постоянно от рефлексии ускользает. «Понимая, что рефлексия сама по себе не может объединить сознание, Гуссерль оставляет за ней право только *открывать уже имеющее место единство*».⁶ По мнению Рябушкиной, Гуссерль разрывает подлежащую скепсису юмовскую связку временность — субстанциональность, сохраняя временность (причем придав ей вместе с тем фундаментальное значение), *субстанциональность же заменяя интенциональностью*. Последний тезис, видимо, имеет тот смысл, что интенциональность позволяет производить синтезы отождествления, удерживая нечто как тождественное и сохраняющееся в постоянно изменчивом потоке времени. За заменой субстанциональности интенциональностью, как считает Татьяна Михайловна, стоит «отождествление *временного потока и сознания* времени».⁷ Рябушкина добавляет: «Осуществляется перенос: *свойственное сознанию времени*

⁴ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 56.

⁵ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 104.

⁶ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 106.

⁷ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 107.

“удержание” прошлого становится свойством самого времени». ⁸ Это подмечено довольно тонко; однако возникает вопрос, каким именно образом феноменологически можно было бы удостоверить различие потока и сознания потока. Является ли описанный Рябушкиной перенос результатом не критического недосмотра или принципиальным концептуальным решением?

Обращает на себя и подмеченное автором монографии затруднение, возникающее в феноменологической теории субъективности, которое не всегда замечается самими феноменологами: «Здесь феноменология сталкивается с юмовской проблемой: рефлексивные механизмы сознания, благодаря которым даются интенциональные предметы, должны быть столь же разнообразны по содержанию, как и сами эти предметы. Рефлексивная деятельность сознания предстает как целый мир содержательно различных переживаний, параллельных предметному миру. Эта картина вызывает подозрения: не является ли искажением самого понятия сознания превращение сознания мира в его создание? Не является ли полагание двух параллельных содержаний ненужным умножением сущностей?». ⁹ Мы, пожалуй, поставим акцент только на первое недоумение Татьяны Михайловны: не должна ли рефлексия в феноменологии различаться каждый раз в зависимости от типа рефлексивируемой предметности, подобно тому, как всякая интенция должна находиться в отношении взаимно-однозначного соответствия с типом соответствующего ей интенционального предмета? Рефлексируется ли переживание воспринятого в восприятии иначе, чем то, о чем судится в суждении, или нет?

Книга содержит также весьма причудливое изложение философии Хайдеггера, причисленного здесь к лагерю экзистенциалистов. Можно заметить, что такое прочтение осуществлено, если угодно, с позиций философии сознания. Хайдеггер, в изложении Рябушкиной, с одной стороны, пытается отказаться от рефлексивной парадигмы философии: «Хайдеггер считает, что нахождение основания единства знания и существования в изначальной временности представляет собой *альтернативу пониманию самопознания на основе рефлексии*». ¹⁰ С другой же стороны: «Опора на рефлексивные структуры — источник трудностей хайдеггеровской концепции». ¹¹ Опору на рефлексивную структуру Татьяна Михайловна находит у Хайдеггера в том, что отождествляет временность и интенциональность (которая, как мы помним, согласно Рябушкиной, после Гуссерля стала эрзацем субстанциальности) как рефлексивные структуры. Диагноз, поставленный Татьяной Михайловной философии Хайдеггера в итоге таков: «...Хайдеггер не преодолел понимания самосознания как результата рефлексии. Заменяя вопрос о собственной сущности

⁸ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 107.

⁹ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 112–113.

¹⁰ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 150–151.

¹¹ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 152.

на вопрос о собственном бытии, Хайдеггер сохраняет понимание самопознания как изначального доступа к самому себе, т. е. мыслит в том же духе, что и приверженцы рефлексии». ¹² Такое заключение оказывается возможным именно потому, что хайдеггеровское *Dasein* заведомо интерпретируется в монографии как «*непредставимый принцип*», причем выполняющий ту же функцию, что и субстанция». ¹³ Нам представляется, что такая интерпретация ключевого хайдеггеровского понятия — при любых герменевтических погрешностях — не является адекватной ни для какого смысла субстанциальности. Не об этом ли свидетельствует и понятие наброска у Хайдеггера, которое, кстати, потом переключается и в концепцию самой Рябушкиной, разумеется, в модифицированном виде?

Пожалуй, намного адекватнее является реконструкция позиции Сартра, данная в настоящей книге, равно как более тонкой является и критика в его адрес. По мнению автора книги, критика Сартром феноменологической рефлексии на деле оборачивается против самой себя, а именно такой критике может быть подвергнуто и понятие интенциональности, «признаваемой Сартром действительной характеристикой сознания». ¹⁴ В итоге и в концепции Сартра образуется порочный круг рефлексии: «Отрицая рефлексия, которая обнаруживает Я, как нарушающую прозрачность сознания, Сартр однако утверждает рефлексия, результатом которой является интенциональность, в качестве особой, не нарушающей прозрачности сознания рефлексии». ¹⁵ В этом отношении интересна (и требует дальнейшего осмысления сторонников феноменологической философии) и такая формулировка: «Интенциональность, скорее, чем Я, может вызывать подозрение в том, что она есть просто продукт рефлексии». ¹⁶ В конечном итоге, субъективность у Сартра также сохраняет все признаки субстанции, согласно Рябушкиной.

Наконец, последнее, на что следует обратить внимание читателя в связи с предложенной Татьяной Михайловной историко-философской реконструкцией проблемы, это ее — оригинальная и, на наш взгляд, всецело справедливая — критика попыток структурализма освободиться от оков рефлексии. «Как это ни парадоксально, и структуралистское изгнание субъекта, продиктованное желанием избавиться от ненадежных метафизических предпосылок, и введение вместо него бессознательного обусловлены как раз принятием предпосылки декартовской философии — предпосылки о рефлексии как единственном пути к достоверности. Бессознательное в отличие от трансцендентального Я, поддается рефлексии», ¹⁷ —

¹² Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 156.

¹³ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 155.

¹⁴ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 160.

¹⁵ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 160–161.

¹⁶ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 164.

¹⁷ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 245.

пишет Татьяна Михайловна. (Одобрение критики структурализма не означает здесь согласия с интерпретацией Декарта).

Вывод, к которому приходит Рябушкина в результате всей историко-философской реконструкции, звучит следующим образом: «Наше рассмотрение позволяет предположить, что для выхода к самим вещам необходимо отказаться не от понимания вещей как предметов познания, а от принятия *непосредственной данности* вещей как предметов познания».¹⁸

Этот вывод позволяет ей сделать смелый шаг — перейти к изложению ее собственной концепции *нерефлексивной субъективности*. Данная концепция строится «ради поиска *досознательного как истока всякой сознаваемой “данности”*».¹⁹

Говорить о собственной концепции Татьяны Михайловны намного сложнее, чем о ее реконструкции и критике рефлексивной философии субъективности. Ей в книге уделено не так много места, изложение здесь нередко конспективно. Скорее всего, мысль Татьяны Михайловны основывается на следующем принципе: «...Изначально субъект познает в качестве самого себя *не самого себя, а иное*».²⁰ (Относительно этого принципа сразу же возникает вопрос: а не кроется ли за ним хитрость диалектического разума?). Этот принцип разубаивает — едва ли не в духе Александра Великого — проблемный узел рефлексивной философии: «И проблема круга, и проблема бесконечного регресса возникают из-за предубеждения рефлексивной философии, состоящего в том, что предмет самопознания изначально идентичен *познающему как таковому*».²¹ Как можно понять из текста четвертой главы книги, ключевыми понятиями, с помощью которых Татьяна Михайловна пытается «дедуплицировать» основные понятия своей философии, являются понятия *досознательного* и *наброска*. К сожалению, и то, и другое фактически не определены и даже предварительно не охарактеризованы в работе достаточным образом. Очень жаль, интуитивно чувствуется, что у этих понятий есть заметный потенциал. В самом деле, не очень понятно, чем досознательное в смысле Рябушкиной отличается от бессознательного структуралистов, за рефлексивное отношение к которому последние получили от нее отповедь. То же самое касается понятия *наброска* — чем оно отличается от наброска в смысле подвергнутого немногим ранее критике Хайдеггера? У Рябушкиной речь идет о наброске «субъекта с его познавательной способностью».²² Она пишет: «Таким образом, *сознание возникает благодаря созданию наброска субъекта*».²³ Наброском, стало быть, объясняется генезис

¹⁸ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 258.

¹⁹ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 258.

²⁰ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 265.

²¹ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 258.

²² Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 266.

²³ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 267.

сознания. «На досознательном уровне каждый из набросков есть определение самого субъекта как познаваемого».²⁴ И понять его можно так, что он совершается от и из некоторого субъекта — инстанции в концептуальной разметке Рябушкиной весьма загадочной. Понятно, что субъект есть сознающий, не себя, а иное; но он все же субъект, нечто *под-лежащее*, пусть он подлежит и как-то по-особенному. Каков собственный способ его подлежания? Очевидно, как досознательное; причем как досознательное познание иного. Получается, из этого досознательного состояния, согласно избитому сравнению, сознание выходит, как Афина из головы Зевса. (Здесь представляется показательным, что, обсуждая Декарта, Юма и Канта, Татьяна Михайловна фактически игнорирует Лейбница — а его образец мог бы дать многое для развиваемой ею теории, и не в самом худшем виде). Как мы узнаем о досознательном предлежании субъекта — не из запаздывающей ли рефлексии? Может быть, рефлексии как еще одного наброска?

Так или иначе, Рябушкина, опираясь на свои базовые понятия, пытается интерпретировать и даже в каком-то смысле дедуцировать отдельные значимые феномены. Так она говорит о живом: «Каждый набросок осознается как *живое существо*, именно наброски субъективности составляют глубинную сущность всех живых существ».²⁵ В книге идет также речь о чувственном мире и мире прекрасного, о понятии (весьма специфическом!) бесконечности, о пространстве, времени (уже понятием нерелексивно), о числе и причинной связи. Рассматривать все эти темы здесь нет возможности, каждую надо было бы анализировать отдельно и подробно. К сожалению, как уже говорилось, в книге они очерчены очень бегло, вообще при чтении последней главы усиливается складывающееся и при знакомстве с первыми тремя ощущение того, что автор спешит. Было бы лучше, если бы в книге вместо обстоятельной — и историко-философски не всегда оправданной — реконструкции и критики рефлективной философии подробнее раскрывалась мысль самой Татьяны Михайловны. (Здесь кстати также бросается в глаза, что Рябушкина в своей критике таковой не обращается к наследию Гадамера, да, по большому счету, и Гегеля, уже в свое время претендовавшего на преодоление рефлективной философии; не учтенным ею остается и важнейшее для критики рефлективной философии *различение intentio recta u intentio obliqua*, используемое в этой связи Н. Гартманом.) Критикуемые ею позиции можно было обсуждать *ad hoc* в связи с ее собственными тезисами в аналитическом режиме. Это внесло бы большую ясность и в критику, и в позитивное изложение собственной теории автора. Но книга такова, какова она есть. В ней явлено завидное мужество автора — ведь редко кто сейчас решиться вынести на суд общественности не только интерпретацию чужой мысли, но и изложение своей. А поставленные в последней части работы вопросы и предложенные там их решения еще ждут более подробного обсуждения.

²⁴ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 269.

²⁵ Рябушкина Т. М. (2014) *Познание и рефлексия: Научная монография*. М.: «Канон+». С. 270.